

Richterek, Oldřich

Лирический субъект в русской романтической поэзии

Slavica litteraria. 2010, vol. 13, iss. 1-2, pp. 131-133

ISBN 978-80-210-5357-1

ISSN 1212-1509 (print); ISSN 2336-4491 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/103512>

Access Date: 29. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

o románu Vladimíra Párala, Martina Golemy o slovanské archeologii, Anny Zelenkové o česko-slovenské vzájemnosti a nevzájemnosti, Viery Žemberové o výzkumu literárního romantismu, nedávno zesnulého polonisty Ludvíka Štěpána k filozofickým předpokladům polské moderny, Mileny Šubrtové o hře a motivační strategii v české literatuře pro děti a mládež. Velmi podstatný je v této souvislosti oddíl Společenské vedy a uměnověda, kam studií o ontologii literatury přispěl František Mihina; Jan Sošková psala o o „básníci“ filozofii, Viera Bilasová o prűnicích filozofie, etiky a literatury, Vasil Gluchman o podobě morálky v Balzacově Lidské komedii, Ľubomír Belás, jenž se zabýval mocí a ctností v Machiavelliho Vladaři, a Vladislav Suvák analyzoval Antisthenovy výklady Homéra v kontextu sokraticky. Oddíl *Umenie a umenoveda* obsahuje studie Martina Zbojana o košické moderně a Tibora Ferka (o knize Tomáše Štrausse), Jána Jambora o epické kriminální literatuře a Michala Tokára o ilustraci v knize lyrické poezie.

Zatím se tyto genologické studie na jedné straně vyrovnávají s teoretickými problémy teorie a historie literárních žánrů, konstatují určitá fakta a zamýšlejí se – spíše však jen zřídka – nad samotnou disciplínou, neboť její existence a funkce není zdaleka samozřejmá, na druhé straně se snaží podávat další a další příklady nezbytných žánrových studií, jako by chtěly dokázat pravdivostní hodnotu známého Hegelova dialektického zákona přechodu změn kvantitativních v kvalitativní. Je třeba říci, že i tradiční přístupy k žánrům mají svou kognitivní hodnotu.

Ivo Pospíšil

ЛИРИЧЕСКИЙ СУБЪЕКТ В РУССКОЙ РОМАНТИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ

Eliáš, Anton. *Demiurg či reptající trstina. Lyrický subjekt v ruskej romantickej, postromantickej a neoromantickej poézii*. Bratislava: Univerzita Komenského, 2008, 134 c.

Русская классическая поэзия XIX-ого века занимает важное место среди профессиональных интересов известного словацкого исследователя-русиста **Антон Элиаша**, об этом свидетельствует целый ряд опубликованных статей (Ср.: Eliáš, Anton. *Čas a priestor v lyrike M. J. Lermontova*. В сб.: *Lermontovovský zborník*. Banská Bystrica: KPÚ, 1985, с. 49–57. Eliáš, Anton. *K problematike typologických osobitostí Puškinovho romantizmu*. В сб.: *Puškinovský zborník*. Bratislava: Pedagogický ústav, 1988, с. 55–61. Eliáš, Anton. *Na margo Lermontovovej lyriky a jej prekladových podôb*. Romboid, 25(1990), № 4, с. 108–112. Eliáš, Anton. *Ruská romantická lyrika v kritike revolučných demokratov*. Slavica Slovaca, 23(1988), № 2, с. 151–155. Eliáš, Anton. *Lyrika M. J. Lermontova*. Ruský jazyk, 40(1989), № 2, с. 51–56. Eliáš, Anton. *Chronotopické aspekty typológie hrdinu ruskej romantickej lyriky*. Slovak review, 6(1997), № 1, с. 36–52. Eliáš, Anton. *Reflexia romantizmu v lyrike K. D. Bal'monta*. В кн.: *Kontexty ruskej moderny*. Bratislava: Stimul, 1996, с. 37–64. И др.) и осуждаемая могография, опубликованная в 2008 г. В этой работе доминантное внимание уделяется лирическому субъекту в русской романтической поэзии. Подход к избранной теме отличается концептуальностью и обдуманностью: автор не стремится охватить всю проблематику решающих этапов развития русского романтизма (например, он намеренно избегает формальных описаний и анализа всех представителей и артефактов почти столетнего «романтического процесса» русской лите-

ратуры), но останавливается лишь на решающих моментах и творчестве главных представителей трех доминантных этапов – романтизма, постромантизма и неоромантизма. Таким образом (при помощи высоко компетентного и обстоятельного анализа) ему удастся создавать адекватное аргументационное пространство для раскрытия тех различительных знаков и симптомов русской романтической поэзии и лирического героя (субъекта) последней, которые необходимо (с точки зрения литературного развития и литературных традиций) отнести к фундаментальным и решающим – не только в контексте XIX-ого века, но и при изучении дальнейшего развития русской поэзии в XX-ом веке, и при исследовании русско-словацких (значит, в определенной мере и русско-чешских) и русско-европейских взаимоотношений. В связи с этим Элиашу, несомненно, удастся убедительно продемонстрировать «неисчерпаемость поэзии» с точки зрения ее рецепции в меняющихся временных контекстах, т.е. симптоматичный атрибут настоящей художественной литературы, упомянутый им уже в начале данной монографии и практически затем многократно иллюстрированный в ней при помощи исчерпывающего литературоведческого анализа конкретных стихотворений. Важно подчеркнуть, что значительное внимание уделяется вопросам «пространства и времени», так как эти хронопические взаимосвязи, неотделимые от романтического восприятия мира, необходимо, по моему мнению, относить к перманентным составным частям рецепции и интерпретации художественной литературы; в нашем случае они представляют собой одну из решающих связей между «онтологическим укреплением человека» не только в эпохе романтизма, но и в лабиринте сложной современной постмодернистской действительности, значит они убедительно подчеркивают неисчерпаемость романтического наследия человеческой культуры.

В симптоматичной «первой волне» русского романтизма Элиаш в качестве примера выбирает поэтическое творчество трех писателей. Образ **В. А. Жуковского** он стремится, прежде всего, лишить всех прежних штампов, «наклеенных» на данного поэта в связи с прежними подходами к его творчеству. Благодаря намеченному подходу ему удастся убедительно отделить сентиментальные и романтические элементы, с одной стороны, в творчестве и личности этого поэта, однако, с другой стороны, также в воплощении лирического субъекта поэзии последнего. Русский поэт Жуковский представлен, таким образом, как оригинальная личность (например, через его восприятие единения с природой, в гуманистически ориентированных взглядах и др.).

В сопоставлении с ним художественная личность следующего раннего романтика **К. Ф. Рылеева**, поэтического «трибуна» и продолжателя «люмоновоскодержавинской» традиции русской поэзии – со своеобразными просветительно-классицистическими чертами, представлена Элиашем как определенный антипод Жуковского.

Способности интерпретатора «*rag excellence*», автора обсуждаемой книги, проявляются при идентификации сверхромантических черт личности **А. С. Пушкина** – уже в раннем (т.е. предполагаемом романтическом) творчестве этого несомненного корифея русской поэзии первой трети XIX в. Элиаш утверждает важность пушкинского вклада в развитие жанровой вариативности романтического героя, способствующей закреплению принципов свободного творчества в последующем развитии русской литературы.

В следующей главе, обращающей уже самим названием внимание читателя на «гипертрофию романтического индивидуализма», анализу подвергается доминантный лирический герой **М. Ю. Лермонтова**. Особенная, более или менее солитерная позиция Лермонтова в контексте кульминационного русского романтизма, укрепляющая своеобразные импульсы интровертного характера в процессе эволюции художественного воплощения романтического героя, дополняется автором монографии обсуждением и интерпретациями таких дистинктивных проблем, как, например, *мотив сна, мотив ночи*, персональное понимание и восприятие *времени*, значение роли *мгновения* и *антитетичности* в романтической поэзии, значение роли *пространства и времени* и доминантная *своеобразность* лермонтовского *героя*.

Не случайно, как мне думается, третья глава книги посвящена поэзии **Ф. И. Тютчева**. Элиаш в ней обращает внимание на семантическую *многослойность* поэзии этого писателя, на его симптоматически *своеобразное изображение природы и субъекта* в ней и одновременно «*переживание*» последнего и, разумеется, на роль времени и пространства в творчестве данного поэта. Можно сказать, что Элиаш предлагает таким образом читателю de facto комплексную оценку поэтики и поэзии Тютчева.

Последняя аналитическая глава монографии посвящена лирическому субъекту в стихах оригинального представителя неоромантического периода русской литературы – **К. Бальмонта**. Автор публикации подчеркивает своеобразие личности поэта и рассматривает, например, ее влияние на развитие символистской поэзии вообще, на роль *образа-символа* в стихах, на *мотивы ветра* и восприятия *времени*, своеобразную роль *мотто* и *антитезиса* и др.). Значит, Элиашу удалось, таким образом, акцентировать внимание на *общих проблемах символизма* в русской культуре, на *сущности и традиции роли символа* в искусстве, на связь бальмонтской лирики с традициями лермонтовского завещания и с русским импрессионизмом.

Монография коллеги Элиаша поднимает, как видно, ряд коренных проблем, без освоения которых невозможно добраться до «святилища» русской поэзии. Автор предлагает своему читателю провоцирующие импульсы к повторным возвращениям к лишь мнимо известным фактам, к художественным личностям и взаимоотношениям, доказывая, что исключительная способность поэзии (в том числе, несомненно, и романтической) провоцировать и одновременно привлекать наше внимание (вызывать совместное переживание) не утрачивает своего смысла и в наше время начала XXI-ого века. Именно поэтому, мне думается, монографию Антона Элиаша следует рекомендовать не только всем литературоведам и русистам, но также всем почитателям поэзии вообще, принимающим во внимание неоспоримый факт, что наследие романтической поэзии (в том числе, разумеется, и русской) нельзя изъять из сокровищницы мирового культурного наследства.

Олдржих Рихтерек